Павел Бажов

Железковы покрышки

Дело это было вскорости после пятого году. Перед тем как войне с немцами начаться.
В те годы у мастеров по каменному делу заминка случилась. Особо у малахитчиков. С материалом, вядишь, вовсе туго стало. Гумешевский рудник, где самолучший малахит добывался, в полном забросе стоял, и отвалы там не по одному разу перебраны были. На Тагильском медном, случалось, находили кусочки, да тоже нечасто. Кому надо, охотились за этими кусочками все едино, как за дорогим зверем. В городе по такому случаю заграничную контору держали, чтоб такую редкость скупать. А контора, понятно, не для здешних мастеров старалась. Так и выходило: что найдут, то и уплывет за границу.
Ну, может, и то сказалось, что мода на малахит прошла. Это в каменном деле тоже бывает: над каким камнем деды всю жизнь стараются, на тот при внуках никто глядеть не хочет. Только для церквей и разных дворцовских украшений больше орлец да яшму спрашивали, а в лавках по каменным поделкам вовсе дешевкой торговали. Так пустой камешок на немецкий лад гнали: было бы пестренько да оправа с высокой пробой. Прямо сказать, доброму мастеру никакой утехи. Кончил поделку, покурил да сплюнул и принимайся за другую. Одно слово, пустяковина, базарский товар. Глядеть тошно, кто в том деле понимает.
Ну, все-таки старики, коих смолоду малахитовым узором ушибло, своего дела не бросали. Исхитрялись как-то: и камешок добывали и покупателя с понятием находили.
Один такой в нашем заводе жил, Евлахой Железком его звали. Еще слух шел, что этот Евлаха свою потайную ямку с малахитом имел. Правда ли это, сказать не берусь, а только и про такой случай рассказывали.
Вот будто подошел какой-то большой царицын праздник. Не просто именины али родины, а, сказать по-теперешнему, вроде как юбилей. Ну, может, седьмую дочь родила или еще что. Не в этом дело, а только придумали на семейном царском совете сделать царице по этому случаю подарок позанятнее.
У царей, известно, положение было: про всякий чих платок наготовлен Захотел выпить - один поставщик волокет, закусить придумал - другой поставщик старается. По подарочным делам у них был француз Фабержей. (Фаберже - прим.скан.) В своем деле понимающий. Большую фабрику по драгоценным и узорным камням содержал, на обе столицы широкую торговлю вел, и мастера у него были первостатейные.
Призывает этого Фабержея царь и говорит: так и так, надо царице к такому-то дню приготовить дорогой подарок, чтоб всем на удивленье. Фабержей, понятно, кланяется да приговаривает: "будет сготовлено", а сам думает: "вот так загвоздка!".
Он, конечно, до тонкости понимал, кому чем угодить, только тут дело вышло не простое. Брильянтами да изумрудами и другими дорогими камнями царицу не удивишь, коли у ней таких камней полнехонек сундук набит, и камни самого высокого сорту. Тонкой гранью либо узором тоже не проймешь, потому - люди без понятия. И то французу было ведомо, что царица после пятого году камень с краснинкой видеть не могла. То ли ей тут красные флаги мерещились, то ли чем другим память бередило. Ну, может, те картинки вспоминала, какие на тайных листах печатали, как она с царем кровавыми руками по земле шарила.
Не знаю это, да и разбирать не к чему, а только с пятого году к царице с красным камнем и не подходи - во всю голову завизжит, все русские слова потеряет и по-немецки заругается. А дальше известно, опросы да допросы, с каким умыслом царице такой камень показывали, какие советчики да пособники были? Тоже кому охота в такое дело вляпаться!
Француз этот Фабержей и маялся, придумывал, чем царицу удивить, и чтоб красненького в подарке и званья не было. Думал-думал, пошел со своими мастерами посоветоваться. Обсказал

начистоту и спрашивает: - Как располагаете?
Мастера, понятно, всяк от своего, по-разному судят, а один старик и говорит:
- На мое понятие, тут больше малахит подходит. Радостный камень и широкой силы: самому вислоносому дураку покажи, и тому весело станет.
Хозяин, конечно, оговорил старика: не к чему, дескать, о вислоносых дураках поминать, коли разговор идет о царском подарке, за это и подтянуть могут, а насчет камня согласился:
- Верно говоришь. Малахит, пожалуй, к такому случаю подойдет.
Другие мастера сомневаются:
- Не найдешь по нынешним временам доброго камня. Ну, хозяин на деньги обнадежился.
- Коли, говорит, в цене не постоять, так любой камешок достать можно. На этом и сговорились: будем делать альбом для царской семьи с малахитовыми крышками. И украшения, какие полагаются, тут же придумали.
Сказано-сделано. В тот же день Фабержей своего доверенного в наши края послал и наказ ему дал.
- Денег не жалей. Только бы камень настоящий и спокойного цвету!
Приехал этот фабержеев доверенный и давай искаться. Первым делом, конечно, на Гумешки. Тамошние камнерезы наотрез отказали - нету доброго камня. В Тагил сунулся - есть кусочки, да не того сорту. В заграничной конторе через подставного человека наведался. Только разве там продадут, коли сами крохами собирали. Совсем приуныл доверенный, да, спасибо, один горщик надоумил:
- Поезжай-ко ты к Евлахе Железку. У этого беспременно камень имеется.
Недавно он на руки одному такую поделочку сдал, што все здешние купцы по каменному делу да и в заграничной конторе неделю кулаками махали, ногами топали да грозились:
- После этого пусть Евлаха со своей поделкой и на глаза не показывается. За пятак не примем!
А Евлаха посмеивается да ответный поклончик послал:
- Рад стараться с жульем не вязаться. Теперь еще, поди-ко, не забыл, как таким кланяться доводилось. Больше этого не будет. Кому надо, пускай сам ко мне за камешком волокется, а я еще погляжу - кому удружить, кому оглобли заворотить. А самолично вашему брату и беспокоиться не след. Я хоть остарел, а еще так могу по загривку дать, что который и с каменной десятипудовой совестью, а легкой пташкой за ворота вылетит.
Фабержеев доверенный, как услышал это, забеспокоился, спрашивает:
- Видно, этот Евлаха в деньгах не нуждается? Богатый сильно?
- Нет, - отвечают, - богатства особого не видно, а просто уважает человек свое мастерство. Дороже денег его ставит. Коли не захочет, рублем не сманишь, а коли интерес поимеет, так недорого сделает. И поделка будет хоть на выставку, а то и в царский дворец поставь. Нигде себя не уронит.
Доверенному полегче стало. "Есть, - думает, - чем Евлаху сманить. Скажу, что для царского дворца камни требуются".
И не ошибся в расчете. Евлаха, как узнал, для чего камни, без слова согласился, спросил только:
- Какой величины камни и какой узор надо?
Доверенный объяснил, что крышки по дольнику должны быть не меньше двух четвертей, поперек - четверть с малым походом, а камни желательно со своим узором. С таким, значит, чтоб на обои ничуть не походило. Евлаха говорит:
- Ладно. Найдется такой камень. Приезжай через неделю.
И цену назначил - по две сотни за штуку. Доверенный, понятно, и рядиться не стал. Хотел еще поразговаривать, да Евлаха на это не больно охочий был, сразу обрезал:

- Сказал - приезжай через неделю, тогда и разговор будет, а то о чем нам у пустого места судить.
Приехал доверенный через неделю - готовы крышки, и не две, а четыре штуки. Все, понимаешь, как вешняя трава под солнышком, когда ветерком ее колышет. Так волны по зелени-то и ходят. И у каждой крышки свой узор. Ни один завиток-плетешок полной сходственности не имеет, а все-таки подобрано так, что и бестолковому понятно, какие крышки парой приходятся. Одном словом, мастерство.
Разложил Евлаха свою поделку.
- Выбирай любую пару!
Фабержеев доверенный, конечно, знал толк в камне. Оглядел крышки, не нашел никакого изъяну, полюбовался узором и говорит:
- Покупаю все.
- Что ж, - отвечает, - бери, коли надо. Плати деньги.
Доверенный поскорее рассчитался по уговору, и домой. Мастера фабержеевы похвалили покупку, только тог старик, который посоветовал насчет малахиту, посомневался маленько.
- Вроде, - говорит, - деланный камень, а не натурный. Ну, руками делан. Другие мастера засмеялись - выдумывает старик, хочет себя выше всех поставить, а хозяин прямо объявил:
- Ежели и деланный, так не хуже настоящего, а это в мастерстве еще дороже.
Ну вот, изготовили альбом на удивленье. Царь, как узнал, что другая пара крышек есть, настрого запретил - до его приказу эти крышки в дело пускать.
Так они и лежали у Фабержея в запасе и долежали до того году, как самое высокое французское начальство к царю в гости приехало. И приехал с этим начальством мастер, который по брильянтовой плавке отличался. Петергофским мастерам по гранильному и камнерезному делу да и фабержеевым тоже охота была этого приезжего кое о чем поспрошать. Вот они ходили за ним, все едино, как женихи за невестой, угодить старались. Кто-то придумал показать каменные поделки в царском дворце. Разрешили им. И вот в числе тех поделок увидел приезжий мастер евлахины крышки. Подивился красоте камня, вздохнул, да и говорит в том смысле:
- Ловко, дескать, вашим-то! Режь камень без всякой выдумки, и вон какое диво само выходит.
Наши мастера объясняют, что дело не столь просто, потому - камень из кусочков складывают.
- Про это, - отвечает, - знаю. Дело, конечно, мешкотное, а все-таки хитрости тут нет, коли под рукой любого узору камешок имеется.
Один мастер на это возьми и скажи:
- У нас на фабрике насчет этих крышек еще спор был: из природного они камня али из сделанного.
Французского мастера такими словами будто подстегнуло: всю степенность потерял, забегал, засуетился, спрашивает: кто так говорил? почему? какие приметки сказывал? чем дело решилось? А пуще того добивался, где тот мастер живет, который крышки делал. Дивился, понятно, что никто об этом толком сказать не умеет. Одно говорят, - доверенный привез с какого-то заводу. Сказывал, что мастер мужик с пружинкой: не по месту заденешь, так и по лбу стукнуть может, а как прозванье мастеру - не говорил. Надо, дескать, у этого доверенного и спросить только он в отлучке по хозяйским делам. На другой день приезжий мастер прибежал к Фабержею на фабрику н давай опять про крышки спрашивать. Старый малахитчик не потаился, сказал, в чем сумленье поимел. Другие мастера опять заспорили, всяк свое доказать желает.
Тут сам Фабержей прибежал, послушал, пострекотал с приезжим по-своему, по- французскому, и велел принести запасные крышки.
- Чем, - говорит, - попусту время терять, давай-ко отпилим у крышек правые уголышки, которые на волю, да опробуем их как следует. Крышкам от того изъяну не будет, потому как

можно на тех местах закругленье дать либо их украшеньем прикрыть, зато в точности узнаем, какой это камень: природный али сделанный?

Живо опилили уголышки и давай пробовать на кислоту на размол, по весу. Однем словом, всяко старались, а до дела не дошли. На то вышло, что состав малахитовый, а полностью сходства нет. К тому все-таки склонились - не зря старик-малахитчик сомневался: что-то не так.

Французскй мастер в этом деле больше всех старался и книжки каких-то притащил, по ним глядел. А как вышло это решенье, что камень сделанный, сейчас в контору побежал. Там, дескать, беспременно фамилия мастера должна быть. В конторе, верно, расписка оказалась: получено-де за четыре малахитовые доски такой-то меры две тысячи рублей и крючок вроде подписи поставлен, даром что Евлаха грамоте не разумел, а ниже писарь подписался, и волостною печатью шлепнуто. Доверенный, известно, по правилу воровал: Евлахе заплатил восемь сотен, писарю сунул одну либо две, остаток себе в карман.

Послали этому доверенному телеграмму, чтоб полное имя и местожительство мастера дал, который крышки на царский альбом делал. Доверенный, видно, испугался, не открылось ли мошенство, - не отвечает. Другую телеграмму послали, третью-все молчит. Тогда хозяин сам ему строгое письмо написал, дескать, "что это такое? Как ты смеешь меня перед приезжим гостем конфузить?" Тогда уж доверенный отписал - завод такой-то, мастера там все знают, а как его полное имя - не упомнит, заводские больше зовут его Евлахой.

Как получили это письмо, француз живенько собрался - и на поезд. Из городу прикатил на тройке, остановился на ямской квартире и первым делом спрашивает, где мастер по малахиту живет. Ему сразу сказали- в Пеньковке, пятые или там девятые ворота от большого заулка направо.

На другой день этот приезжий пошел, куда ему сказывали. Одежа, конечно, французского покрою, ботинки желтые, перчатки по летнему времени зеленые, на голове шляпа ведерком, а вся белая, только лента по ней черного атласу. В нашем заводе отродясь такой не видали. Ребята, понятно, сбежались, дивятся на этого барина в белой шляпе.

Вот дошел француз до Пеньковки. Видит - улица не из тех, где добрые дома стоят. Посомневался, спрашивает.

-Где тут мастер живет, который по малахиту работает?

Ребята рады стараться, наперебой кричат, пальцами показывают - вон-де в той избе дедушко Евлампий проживает.

Француз поглядел, вроде как удивился, все-таки в ограду зашел. Видит - на крылечке сидит старик: из себя рослый, на лицо тончавый и похоже - хворый. Седая, борода лопатою, и маленько она зеленым отливает.

Одет, конечно, по-домашнему: в тиковых подштанниках, в калошах на босу ногу, а поверх рубахи жилеточка старенька, вся в пятнах от кислоты.

Сидит этот старик и ножичком вырезывает из сосновой коры что-то, а парнишко, видно внучонок, наговаривает:

- Ты, дедо, сделай, чтобы лучше митюнькиного наплавочек (напечатано так! -прим. ск.) был. Ладно?

Домашние, какие в ограде на то время случились, забеспокоились, а Евлаха сидит себе, будто его дело не касается. У него, видишь, повадки не было перед городскими заказчиками лебезить, в строгости их держал.

Заграничный мастер постоял у ворот, поогляделся, подошел ко крылечку, снял свою белую шляпу и спрашивает по всей французской вежливости. Дескать, дозвольте спросить, можно ли видеть каспадин мастер Ефляк, который делает из малякит.

Евлаха слышит по разговору, - чужеземный какой-то пришел, и говорит дружественно:

- Гляди, коли надобность имеется. Я вот и есть мастер по малахиту. На весь завод один остался. Старики, видишь, поумирали, а молодые еще не дошли. Только, конечно, меня не Фляком зовут, а попросту Евлампий Петрович, прозваньем Железко, а по книгам пишусь Медведев.
Француз, конечно, понял с пятого на десятое, а все-таки головой замотал, перчатку зеленую сдернул, здоровается с Евлахой за руку, а сам наговаривает в том смысле, что напредки, дескать, будем знакомы. Простите-извините, не знал, как назвать, звеличать. И про себя тоже объяснил, что он мастер по брильянтовому делу.
Евлаха похвалил это.
- Что ж, - говорит, - камешок ничем не похаешь. Недаром он самой высокой цены, потому - глаз веселит. Известно, всякому камню свое дано. Наш вон много дешевле, а в сердце весну делает, радость человеку дает.
Француз опять головой мотает и по-своему лепечет: Рад-де побеседовать. Нарочно для того из французской стороны приехал. А Евлаха пошутил:
- Милости просим, коли с добрым словом, а ежели с худым, так ворота у меня не заперты, выйти свободно.
Повел Евлаха приезжего в избу. Велел снохе самоварчик сгоношить, полштофа на стол поставил. Однем словом, принял гостя по-хорошему. Побалакали они тут, только заграничный мастер ту линяю гнет, чтобы мастерскую у Евлахи поглядеть. Евлахе это подозрительно показалось, только он виду не подал и говорит;
- Отчего не поглядеть? Не фальшивы монетки, поди-ко, делаю. Поглядеть можно.
Ну, вот. Повел Евлаха приезжего мастера на огород. Там у него малуха была. Избушка, известно, небольшая. Дверцы хоть широконькие, а без наклону не пройдешь. Ну, француза это не держит: не боится свою белую шляпу замарать, вперед хозяина лезет. Евлахе это не поглянулось.
- Вишь, скачет! Думает, - так ему и скажу!
В малухе, как полагается, станок с кругами, печка-железянка. Чистоты, конечно, большой нет, а все-таки в порядке разложено, где камень, где молотая зеленая руда, шлак битый, тоже уголь сеяный и протча. Французский мастер оглядел все, рукой опробовал и, видать чего-то найти не может, а Евлаха навстречу ему усмехается;
- Цементу нет. Не употребляем.
Посовался - посовался французский мастер, видит, на глаз дела не понять, а Евлаха подошел к станочку, достал сундучок, высыпал из него не меньше сотни малахитовых досочек и говорит:
- Вот погляди, барин, что из этой грязи делаю.
Французский мастер стал досочки перебирать и видит, все они цветом разнятся и узором не сходятся.
Француз подивился, как это так выходит, а Евлаха усмехается:
- Я из окошечка на ту вон полянку гляжу. Она мне цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью по-своему, а все красота. И конца краю той красоте не видится.
Приезжий тут давай доспрашиваться, как составлять камень. Ну, Евлаха на это не пошел, пустыми словами загородился.
- Составы, дескать, разные бывают. Когда одного больше берешь, когда другого. Иное спекаешь, иное свариваешь, а которое и просто смешать можно.
- Каким, - спрашивает, - инструментом работаете?
А Евлаха и отвечает:
- Инструмент известный - руки.

Заграничный на это головой заболтал, заухмылялся, нахваливать Евлаху стал:
- Волшебные руки, Ефляк Петрош! Волшебные руки!
- Волшебства, - отвечает, - нет, а не жалуюсь.
Заграничный мастер видит - ни хитростью, ни лаской не возьмешь, вынимает из кармана два петровских билета, тысячу, значит, рублей, кладет на верстак и говорит:
- Плачу тысячу, если все по совести расскажешь, а коли научишь натурально, еще столько доплачиваю. Евлаха поглядел на петровский портрет и говорит:
- Хороший государь был! Не чета протчим, а только он тому не учил, чтоб мы нутром своим торговали. Бери-ка, барин, свои деньги, да ступай, откуда пришел.
Тот, конечно, завертелся - что такое? В чем обида?
Ну, Железко тут свой характер показал, отчитал гостя.
- Эк ты, -говорит, - белошляпый, еще мастером называешься! Скажи тебе, а ты за шляпу-то да за перчатки, кому хочешь продашь. Харчок в золотой оправе станешь за малахит по пятерке продавить. Понимаешь это? Харчок за наш родной камень, в коем радость земли собрана. Да никогда этого не будет! Нам самим этот камешок пригодится. Не то что покрышки на царской альбом, а такую красоту сделаем, что со всего свету съезжаться будут, чтобы хоть глазком поглядеть. И будет это наша работа! Вот такими же руками делана!
Так заграничный мастер и ушел от Железки ни с чем. А крышки от Фаберже все-таки увез. Через свое начальство улестил царя, чтоб подарок такой сделали.
А Железко умер уж в гражданскую войну. Тогда еще которые сомневались, как да что будет, а Железко одно говорил:
- Не беспокойтесь - рабочие руки все могут! Кое в порошок сомнут, кое по крупинкам соберут да мяконько прогладят - вот и выйдет цельный камень небывалой радости. Всему миру на диво. И на поученье - тоже.